

Глава 1

Закат пламенел багрянцем, словно пролитая кровь.

Шэнь Хуайцзюнь неподвижно стоял на вершине утеса. Белые одежды облегли его фигуру; снежинки, кружась в холодном вихре, мягко ложились на иссиня-черные волосы.

За его спиной расстилалась заснеженная круча. Высились угрюмые, холодные скалы и старые сосны с ветвями, пригнутыми тяжестью снега. В небесах, набегая друг на друга, мерцали мириады золотых рун. Мощный барьер полностью лишал запертого здесь заклинателя духовных сил, а любого, кто осмеливался приблизиться к невидимой стене, безжалостно ранили вспышки сдерживающей формации.

Утёс Раскаяния ордена Цинсяо — безлюдная вершина, где не встретишь ни зверя, ни птицы. В этом суровом краю, продуваемом ледяными ветрами, он провел на коленях долгих двадцать лет.

Шэнь Хуайцзюнь зябко поправил тонкое, не спасающее от холода одеяние. На его бледном лице застыло отрешенное выражение, а во взгляде, устремленном вдаль, не читалось ни печали, ни радости.

За пределами барьера стоял заклинатель в лазурных одеждах с мечом за спиной. В его статной фигуре угадывалась непреклонная воля и мощь драконьего клинка.

— Шицзунь, ты признаешь свою вину? — спросил Цинь Минчжэ.

Острый порыв ветра взметнул его темные волосы. Шэнь Хуайцзюнь промолчал, лишь опустил веки. Ответ был ясен без слов.

— Шицзунь, — с суровым видом произнес Цинь Минчжэ. — Отныне я глава ордена Цинсяо. Вам нужно лишь покаяться. Клянусь своим путем меча — я обеспечу вашу безопасность.

Несмотря на искренние клятвы ученика, Шэнь Хуайцзюнь лишь покачал головой и закрыл глаза. Если даже самый близкий воспитанник не верит ему, то имеет ли значение признание?

Поговаривали, будто он завидовал хрупкому младшему соученику, жестоко преследовал беззащитных воспитанников и не пощадил даже юного господина расы демонов — якобы сговорился с недобитками из клана демонов ради похищения техники парного совершенствования, чтобы завлечь невинного юношу в постель.

Слухи и домыслы лавиной обрушились на него. Сколько бы он ни пытался объяснить, сколько бы ни доказывал обратное, ответом ему были лишь гневные упреки:

— Сознайся уже и прекрати лгать!

— Все улики налицо, бессмертный господин Шэнь. Кто бы мог подумать, что под маской благодетеля скрывается столь подлая тварь.

— Поступки Шэнь Хуайцзюня порочат звание праведного заклинателя. Его место на Утёсе Раскаяния, пусть молит о прощении!

За триста лет его доброе имя было полностью растоптано. Первый бессмертный господин, чьей добродетелью когда-то восхищались во всех девяти провинциях, превратился в глазах толпы в коварного злодея. Его дурная слава докатилась до того, что даже юные послушники, едва научившиеся держать мечи, испуганно махали руками, стоило кому-то в шутку предложить им пойти в ученики к Шэнь Хуайцзюню.

Он так и не признал вины, но толпа давно соткала для него саван из вымышленных грехов.

Шэнь Хуайцзюнь посмотрел на скопление темных фигур на соседней вершине. Одно из одеяний — царственного пурпурно-золотого цвета — отчетливо выделялось на фоне серого камня.

Он слегка прищурился.

— Это Линъяо?

Цинь Минчжэ кивнул.

— Да, это Гао Линъяо. Прошло двадцать лет, а старший брат по-прежнему шумен и своенравен.

— Двадцать лет...

Шэнь Хуайцзюнь поднял лицо к падающему снегу и тяжело вздохнул. Его взгляд, прежде ясный и чистый, словно звезды в морозную ночь, застыл на припорошенной сосновой ветви.

Когда он только открыл двери своего пика для первых учеников, нрав его был кротким и мягким. Он любил нежные цветы персика и дни летнего солнцестояния, а говорил всегда размеренно и ласково, боясь ненароком напугать робких послушников. Но за двадцать лет на суровом Утёсе Раскаяния, терзаемый безжалостными ветрами, он невольно полюбил этот леденящий покой. Когда стынет кровь, замирают мысли, а духовное море заволакивает глухой туман оцепенения, дышать становится легче — ведь тогда можно позабыть о былом и не думать о грядущем.

Шэнь Хуайцзюнь крепко сжал ладонь в кулак. Вглядываясь в темные силуэты на соседней

вершине, он принял решение, которое изменит все.

— Где мой меч? — негромко спросил Шэнь Хуайцзюнь.

Цинь Минчжэ помедлил, затем медленно достал из-за пазухи продолговатый угольно-черный футляр. Когда крышка поднялась, внутри обнаружился серебряный, словно свежий снег, клинок, запертый внутри подавляющей формации. На его рукояти были вырезаны два иероглифа: «Цзинфэн». Почувяв хозяина, меч затрепетал, зазвенел, бросаясь на невидимые оковы сдерживающих рун, и воздух вокруг наполнился всполохами духовного света.

Шэнь Хуайцзюнь провел ладонью по родному, излучающему мягкое тепло лезвию. Губы его тронула едва заметная грустная улыбка.

— Тише, мой хороший, — ласково прошептал он.

Цинь Минчжэ ошеломленно застыл. Его наставник Шэнь Хуайцзюнь был величайшим гением праведного пути, Первым бессмертным господином поколения. Когда же его духовные силы угасли столь сокрушительно? И как он, его собственный ученик, умудрился этого не заметить?

— Тогда вы с Линъяо силой отобрали у меня Цзинфэн, опасаясь, что я разрушу оковы Утёса Раскаяния и сбегу, — ровным тоном произнес Шэнь Хуайцзюнь. — Но теперь ты сам видишь: с такими крохами сил я едва ли смогу даже спуститься отсюда.

Ошеломленный Цинь Минчжэ покорно развеял сдерживающие плетения на шкатулке. Стоило барьеру исчезнуть, как Цзинфэн белой молнией рванулся вперед, миновал грозную формацию Утёса Раскаяния и преданно прильнул к груди хозяина.

Придя в себя, Цинь Минчжэ подался вперед, вглядываясь сквозь мерцающую пелену.

— Но почему духовные силы угасли? — отчаянно воскликнул он. — Шицзунь, что случилось с вашим совершенствованием?

Шэнь Хуайцзюнь не ответил. Он лишь повернул голову и посмотрел на раскинувшийся впереди темный пруд.

Мрачный, дышащий тленом водоем никогда не покрывался льдом. В его беспросветных глубинах то и дело вспыхивали яростные молнии. Десять тысяч лет назад, когда в мире бушевал восставший Владыка демонов, Небеса обрушили на него двадцать два громовых удара. На двадцать первой молнии чудовище сбежало в бездну, погрузившись в вечный сон, и последняя, двадцать вторая, осталась без цели, застыв этой темной топью. Ее нарекли Прудом Уничтожения Бессмертных — гласило предание, что даже великое божество, шагнув туда, сгорит без следа под ударами небесной кары.

Бережно прижимая к себе верный меч, Шэнь Хуайцзюнь шаг за шагом двинулся к Пруд Уничтожения Бессмертных.

— Шицзунь, что вы делаете?! — испуганно закричал Цинь Минчжэ.

Но как бы громко он ни взывал к нему, некогда ласковый и заботливый наставник не обернулся. Разделенные непреодолимой стеной барьера, они уже стали чужими.

Шэнь Хуайцзюнь поднялся по двадцати двум каменным ступеням, ведущим к краю бездны. Замерев у самой воды, он обернулся и посмотрел на столпившихся на далекой вершине людей.

— Поговаривают, коль злодей шагнет в этот пруд, небесная кара разорвет его душу, лишая шанса на перерождение. Если же помыслы вошедшего чисты, он невредимым пройдет сквозь пламя в новое воплощение. — Он высоко поднял голову, и его чистый, сильный голос эхом раскатился над горными пиками: — Сегодня я, Шэнь Хуайцзюнь, прожив триста тридцать один год, ступаю в Пруд Уничтожения Бессмертных, чтобы самой смертью доказать свою невиновность.

С этими словами он, не обращая внимания на испуганный гул, прокатившийся по толпе, шагнул с обрыва. Его белые одежды взметнулись, словно лепесток одинокого цветка, и тело беззвучно кануло в непроглядную бездну.

Ледяная влага мгновенно пропитала тонкую ткань. Зажмурив глаза, Шэнь Хуайцзюнь приготовился к нестерпимой боли от удара молний, но вода оказалась удивительно ласковой. Она напоминала талые весенние ручьи, согретые первыми лучами солнца. Ему стало на удивление тепло и легко.

Где-то в непроглядной глубине глухо ворочались громовые раскаты, подобные яростному реву драконов. Он понимал: кара настигнет его с секунды на секунду и сотрет его земную оболочку в прах.

Страх не было. Им владело лишь одно желание — поскорее оборвать эту затянувшуюся нелепую жизнь.

Но прежде чем небесный гнев обрушился на него, в глубинах вод эхом отозвался чей-то древний, мудрый голос:

— И ты действительно готов смириться с этим?

«Смириться? Разумеется, нет, — горько усмехнулся про себя Шэнь Хуайцзюнь. — За все столетия на пути совершенствования я ни разу не совершил ничего подлого или бесчестного. Но почему-то меня вечно подозревали и презирали. Даже собственные ученики один за другим повернулись ко мне спиной. За двадцать лет в ледяном заточении я так и не смог разгадать, за

какие прегрешения Небеса карают меня столь сурово, и в конце концов просто принял это как неизбежное».

«Это моя судьба. Мы, заклинатели, должны безропотно следовать велениям Небес. Что же, я принимаю свою участь».

Древний голос негромко рассмеялся и вдруг спросил:

— Скажи, тебе доводилось читать любовные романы, что пишут смертные в подлунном мире?

«Случалось, — мысленно ответил Шэнь Хуайцзюнь. — В них прекрасная дева всегда находит своего героя, пускай на их пути и встает злобный негодяй. В финале злодея ждет суровая кара, а влюбленные сочетаются браком под сенью праздничных свечей».

Его собственная судьба и впрямь напоминала финал карикатурного злодея: всеми презираемый, оплеванный толпой и обреченный на полное рассеяние души — истинное утешение для праздных читателей.

Но таинственный голос вновь заговорил:

— А если я скажу тебе, что ты и в самом деле герой романа? Твой младший соученик Бай Шэн — его главный герой, любимец судьбы, а тебе отведена незавидная роль коварного злодея, чьи грехи не знают прощения. И теперь, зная это, ты все еще готов смириться со своей долей?

Шэнь Хуайцзюнь, чье тело медленно, точно увядший лист, опускалось на самое дно, в этот миг широко распахнул глаза.

Над Утёсом Раскаяния завывала ледяная буря. Собравшиеся на вершине люди ошеломленно застыли, провожая взглядами белую фигуру, канувшую в бездну Пруда Уничтожения Бессмертных. Несколько мгновений царила мертвая тишина, но затем толпа взорвалась неистовым гулом.

— Доказать невиновность смертью?.. Неужели Шэнь Хуайцзюня и вправду оговорили? — робко спросил кто-то.

— Оговорили? Опомнись! Оба его ученика, которых он когда-то предал, стоят прямо здесь. Они теперь великие мастера! Неужели ты думаешь, что они стали бы клеветать на собственного учителя?

Другой заклинатель щелкнул веером и с умным видом указал в сторону пруда:

— Шэнь Хуайцзюнь просто понял, что ему не спастись. Вот и сиганул в воду в надежде, что глупцы поверят в его благородство и обелят его память!

Из взбудораженной толпы стремительно выступил молодой мужчина в пурпурно-золотом даосском одеянии. В пару шагов он оказался возле замершего Цинь Минчжэ и резко бросил:

— Цинь Минчжэ, ты видел это? Он прыгнул!

Меч за спиной Цинь Минчжэ оставался холодным и неподвижным. Справившись с нахлынувшими чувствами, он сухо обронил:

— Видел.

Гао Линъяо в ярости повысил голос:

— И почему ты его не остановил? Он ведь был твоим наставником!

Цинь Минчжэ лишь крепче сжал губы. Промолчав, он развернулся и направился к краю утеса.

— Куда ты? — крикнул ему вслед Гао Линъяо.

— На Северном море появились срочные дела, мне нужно покинуть орден на пару дней, — спокойно ответил Цинь Минчжэ. Его тон оставался ровным и безучастным, словно он только что не лишился учителя.

Но перед тем как запрыгнуть на парящий клинок, он слегка повернул голову:

— Перед гибелью Шэнь Хуайцзюнь передал мне мысленное послание.

Гао Линъяо торопливо сделал шаг навстречу.

Цинь Минчжэ взглянул на багряный закат и тяжело вздохнул. На суровом лице молодого лидера наконец отразилось подобие искренней эмоции.

— Он сказал, что пусть ты, Гао Линъяо, когда-то и обучался под его началом, но после выбрал своим учителем Бай Шэна, а значит — покинул его пик. И если я продолжу называть тебя старшим братом, это будет нарушением приличий.

С этими словами он без оглядки взмыл ввысь. Сияние его меча, обернувшись яростным драконом, прочертило небосвод и унеслось на север, оставив Гао Линъяо в одиночестве среди завывающей метели.

Прошло немало времени, прежде чем Гао Линъяо прищурил свои красивые глаза. Его приятное лицо, обычно столь живое и располагающее к себе, на миг посуровело, но вскоре вновь разгладилось. Вглядываясь в темные, манящие глубины Пруда Уничтожения Бессмертных, он едва слышно прошептал:

— Что ж, вы правы. Это действительно противоречит приличиям.

К нему подбежал маленький служка ордена Цинсяо и вежливо сообщил, что его нынешний учитель, Бай Шэн, собирается покинуть горы, и поинтересовался, не желает ли Гао Линъяо составить ему компанию.

Заметив тень на лице молодого господина, мальчик предупредительно добавил:

— Если вы хотите задержаться здесь еще ненадолго, я пойду и предупрежу бессмертного господина Бай Шэна.

Однако Гао Линъяо лишь небрежно махнул рукой, отказываясь от предложения. Словно не замечая оставшийся в ледяном воздухе едва уловимый аромат свежего бамбука — запах, который всегда исходил от Шэнь Хуайцзюня, — он решительно развернулся спиной к бездне.

— И зачем мне здесь оставаться? — цинично усмехнулся он. — Будто это у меня только что погиб наставник.

<http://bllate.org/book/20545/2105645>